

Люба Юргенсон: «Моя главная мотивация – донести до франкоязычного читателя недоступные ему книги» | Luba Jurgenson : «Mon mobil principal est de porter à la connaissance du lecteur francophone des livres inaccessibles»

Author: Надежда Сикорская, [Женева-Париж](#) , 24.06.2015.

Люба Юргенсон (Nashagazeta.ch)

О книгах, о переводах, о жизнях и судьбах, о раздвоении идентичности и о многом другом мы поговорили с выдающимся профессионалом своего дела, писателем и переводчиком.

|

De livres, des traductions, des vies et des destins, de la dualité de l'identité et de plein d'autres choses nous avons parlé avec cette remarquable professionnelle, écrivaine et traductrice.

Luba Jurgenson : «Mon mobil principal est de porter à la connaissance du lecteur francophone des livres inaccessibles»

Люба Юргенсон - писательница и выдающийся литературный переводчик, родилась в 1958 году в Москве в семье потомков знаменитого музыкального издателя Петра Юргенсона, которому Петр Чайковский посвятил свой романс «Слеза дрожит» и чье издательство после национализации в 1918 года было преобразовано в Государственное музыкальное издательство. С 1975 года Люба живет во Франции, она - доцент кафедры русской литературы университета Сорбонны (Париж-IV), но часто бывает и в Женевском университете, где преподает в этом году русскую литературу. Среди переведенных ею на русский язык авторов есть и [Лев Толстой](#), и [Варлам Шаламов](#), а в последнее время она много сотрудничает с Леонидом Гиршовичем.

Мы встретились с ней незадолго до презентации ее новой книги, «Au lieu du péril», состоявшейся в любимом нами женевском книжном магазине *Rameau d'Or*, по-прежнему хранящем дух его основателя [Владимира Димитриеви́ча](#).

Наша Газета.ch: Люба, на Вашей страничке в Википедии говорится, что Вы - франкоязычная писательница, эстонского происхождения и русской культуры. Это Ваше собственное определение или кто-то Вас так позиционировал? Если первое и последнее можно понять, то вот вторая позиция вызывает вопросы...

Определение, конечно, не мое, но я благодарна тому неизвестному мне человеку, который не поленился сделать эту страничку, хоть она и содержит немало ошибок, которые у меня руки не доходят исправить. А Эстония возникла, очевидно, в связи с тем, что мой прапрадед родился в Ревеле, так раньше назывался Таллинн. Сама же я москвичка в нескольких поколениях и эстонкой себя совсем не чувствую. Возможен и еще один источник. Два года назад я написала «Три сказки о Германии» - роман-автофикш, в котором я использую некоторые элементы реальности, которые достаточно скомбинировать определенным образом, чтобы получился вымысел. Как ни странно, даже в самых строгих читающих критиках живет наивный читатель, буквально воспринимающий то, что ему рассказывают. И это, наверное, хорошо, ведь говорит о жизнестойкости литературы. Поэтому я и не протестую, меня не очень волнуют проблемы происхождения.

Читая Ваши книги и многочисленные интервью, понимаешь, что, покидая СССР в неполные 17 лет, Вы были не просто увозимы родителями, но уезжали совершенно сознательно. В таком молодом человеке подобная решимость

удивительна. Чем объясняется столь полное неприятие страны, в которой Вы родились?

Неприятие было, действительно, полным. Обусловлено оно было моим воспитанием, я росла в совершенно антисоветской семье. Помню, мне было года четыре, когда бабушка сказала: «Ты должна из этой страны уехать». Как именно, никто тогда себе не представлял, еврейской эмиграции еще не было. Бабушка была убеждена, что доживет свой век в Москве, но что я должна бежать – от рабства. Поэтому я жила с мыслью, что когда-то мне придется бежать. Простейший вариант был выйти замуж за иностранца, с этой целью учили языки. Был вариант проникнуть в сферы выездных людей, добиться командировки за границу и попросить политическое убежище. К этому я и готовилась – но чисто абстрактно: иностранцы на горизонте не мелькали, выездная карьера не светила.

Но французский учили?

Учила – сначала в спецшколе, потом с преподавателем. А французский потому, что часть семьи жила в Париже, и мы поддерживали с ними связь, никогда не видел друг друга. Надо сказать, они очень помогали нам материально – даже наш отъезд мы смогли в итоге оплатить, продав кооперативную квартиру, купленную на их посылки. Поэтому Франция всегда присутствовала как некий маяк. Однако бежать было решено неважно куда, лишь бы унести ноги.

План осуществился, когда открылась еврейская эмиграция?

Да. Было страшно, многие ходили в отказниках, но в какой-то момент знающие люди, близкие к А.Д. Сахарову, сказали маме, что если ехать, то сейчас. И мы решились. Я ушла из 9-го класса, полностью посвятив себя оформлению документов. Конечно, присутствовала мысль – а что будет, если не разрешат? Но обратного пути не было. Когда мы добрались до Вены, то тогда – и только тогда! – сообщили об этом парижским родственникам. И они сразу согласились нас принять, что оказалось не проще, чем уехать из СССР, ведь Франция эмигрантов из СССР не принимала.

Luba
Jurgenson
Au lieu du péril

Verdier

Как легко Вы вошли во французскую жизнь?

В школу я не пошла. После пережитого опыта не могла снова представить себя за партой, да еще с детьми, на два года меня моложе. Я пошла в заочную школу, куда меня приняли, учтя нестандартность ситуации. Такой человеческий подход меня тогда потряс! Мне предоставили возможность пройти два года за один, что я и сделала, после чего поступила в Школу изящных искусств, где не требовался аттестат зрелости. А уже потом, получив его, я пересмотрела свои планы на будущее и поступила на кафедру русской литературы в Сорбонну, где я сейчас преподаю.

Несмотря на отторжение СССР в молодости, вся Ваша жизнь оказалась связанной с Россией, с русским языком, литературой и культурой в более широком смысле.

Оказалось, что не так просто порвать. Тем более, что у меня никогда не было отторжения русской культуры, я всегда разделяла культуру и правительство, политический строй. Кроме тогда, тогда не было русских, только советские, отчего разделять было легче. Столь модного сейчас русского патриотизма практически не существовало. Был патриотизм советский, и для меня, как антисоветчика, русское приобретало особый смысл и особую ценность, поскольку русская культура не была культурой советской. Все изменилось с распадом СССР, стало сложнее, понятия смешались, культуру стали использовать в политических целях, что, впрочем, делали всегда, включая 1930-е годы – ведь ее все любят, ее трудно не любить. Инициатива смешивать русскую культуру с русской государственностью идет сверху. А сейчас дошло до того, что, когда приглашают на какое-то мероприятие, еще подумаешь, идти или не идти, чего много лет не было.

Что изменилось для Вас с началом перестройки и какие у вас отношения с Россией теперь?

Я перестала чувствовать себя эмигрантом, что до тех пор было одной из моих идентичностей. С появлением России, где вроде бы перестали преследовать «за», понятие «инакомыслящий» потеряло смысл, а с ним и, в какой-то степени, понятие эмигранта. Сейчас все снова меняется и пока непонятно, чем кончится.

Когда Вы впервые после отъезда в 1975 году побывали в России?

В 1988-м, 13 лет спустя. К тому времени возникло новое представление о Европе, а у меня появилось новое профессиональное поле для исследований. Я всегда занималась темами Гулага и холокоста, а тут появилась перспектива разобраться, как реально сталкивались два эти тоталитаризма на территории, например, Польши и Украины. То есть то, последствия чего мы имеем до сих пор.

Вы считаете оправданным сравнение литературы лагерей – советских и нацистских?

Сравнивать можно всегда, это не означает, что речь идет об одном и том же. Конечно, между двумя этими явлениями существует огромная разница – в методах, в

продолжительности. Но мы же не знаем, чем бы стал нацистский режим, просуществовуй он 40 лет после смерти Гитлера! А на примере СССР можем наблюдать разные стадии. Можно сравнивать тексты, и это очень интересно, так как обнаруживаются общие мотивы, судьбы и чисто литературные приемы. Читая их, начинаешь понимать, что даже если человек пишет о пережитом личном опыте, то он все равно участвует в культурном процессе. Все те, кто говорят, что не знают, как описать и выразить, все же выражают и пишут. И эти свидетельства, восстанавливающие связь времен, очень ценны. Поэтому как литературовед я занимаюсь именно этим.

Какие у Вас были личные ощущения во время той поездки в 1988 году? Почувствовали ли Вы, что страна изменилась?

Нет, этого я совершенно тогда не почувствовала, наоборот, у меня было очень странное, почти шизофреническое, состояние от того, что ничего не изменилось. Мне казалось, что пыль как лежала, так и лежит. И та же лужа, и той же буквы не хватает в вывеске. Я приходила в дома, где стояли вещи, которые мы раздали перед отъездом – в тех же углах, нетронутые. Изменилось лишь то, что люди стали говорить свободно – что в сохранившихся декорациях выглядело полным сюрреализмом!

Немного предвидя возможность такого ощущения, я привезла с собой сорванный в Риме мандарин, который служил мне вещественным доказательством того, что моя жизнь на Западе реальна. Возникали сомнения, а не приснились ли мне эти тринадцать лет? Может, я просто была в летаргическом сне? Когда же я вернулась уже в 90-е годы, все было по-другому.

В профессии переводчика принято переводить только на свой язык. Вы же переводите на французский – он для Вас «роднее» теперь, чем русский?

Как Вы знаете, во французском языке не говорят «родной» язык, говорят «материнский». Конечно, моим материнским языком всегда будет русский. Но я считаю, что родиться можно несколько раз – писал же Набоков на английском! Я выросла во французский язык, я не воспринимаю его, как язык выученный. Это, конечно, «имплант», но который уже не отделим от меня. Сама проблематика «родного» и «чужого» на этом фоне пересматривается, понимаешь, что это просто определенная конструкция, способная к изменениям.

Как складываются Ваши отношения с Россией сегодня? Приглашают ли Вас на профессиональные встречи? Ездите ли Вы?

Да, меня приглашают, и я езжу. Раньше это происходило чаще, тогда еще был жив оставшийся в Москве папа. Он умер в 2007 году, и мои поездки стали менее регулярными. Но поддерживать профессиональные связи очень важно, я не хочу снова превращаться в эмигрантку. Я не была в России уже полтора года, надо поехать. Пока можно. Вдруг наступит момент, когда изучаемые мною темы и мое мнение по ним станет криминалом, и мне не дадут визу. Я внимательно слежу за тем, что в России происходит. Сигналом к тревоге будет введение выездных виз.

Одним из первых Ваших переводов был «Обломов» - классика из классик! Эту работу Вам, тогда еще начинающей переводчице, доверило издательство l'Âge d'Homme. Однако впоследствии, если посмотреть на Ваш «послужной

список», заметно, что Вас больше привлекала мемуарно-биографическая литература. Это внутренняя потребность?

Да, конечно! Собственно, с самого начала я хотела заниматься скорее литературой XX века. Но так получилось, что Жак Катто предложил этот перевод и училась я на перевод классической литературы... И сейчас бы не отказалась перевести что-нибудь из классики. В настоящий момент я много работаю с писателем Леонидом Гершовичем и перевожу некоторые тексты, с которыми работаю в рамках моей исследовательской деятельности.

Наверное, Вам знакомого часто испытываемое мною чувство - жгучая потребность поделиться любыми текстами с любимыми людьми, не говорящими по-русски. А переводов часто нет...

Ну разумеется! Это одна из главных моих мотиваций – довести до французского читателя недоступные ему книги.

Многие сетуют, что в упадок приходит все, в том числе, теряется качество литературного перевода - и на русский и с русского. Вы согласны?

Думаю, что в отношении переводов на русский это по большому счету верно. Просто потому, что та прекрасная школа перевода, которая существовала, развалилась. Кроме того, раньше работа переводчика была престижной, она хорошо оплачивалась, в нее уходили из большой литературы, чтобы избежать гонений. Статус переводчика был практически равен статусу писателя. Теперь этого нет. Переводчикам платят копейки, во многих издательствах нет корректоров, переводы часто вообще никто не перечитывает.

В течение нескольких лет я заседала в комиссии, которая рассматривает переводы с французского на другие языки, мне обычно доставался русский. Как эксперт могу сказать, что иногда возникало ощущение, что человек впервые взялся за перо. И рядом были прекрасные переводы, украшавшие французский текст. Возможно, это отчасти связано с экономической ситуацией.

Что касается переводов на французский, мне кажется, что в последнее время во Франции, наоборот, к переводам стали подходить более ответственно, чем раньше. Существует «Дом книги», который распределяет субсидии для издателей, поскольку иностранная литература почти всегда издается в убыток, ведь нужно оплатить перевод. Большинство издательств, даже крупных, без субсидий просто не могут существовать. В связи с этим «Дом книги» стал важным участником литературного процесса, ведь именно его эксперты оценивают качество представляемых переводов, и, если оно низкое, издательство не получает субсидии.

Во Франции возрос статус переводчика, появились разные переводческие ассоциации. То есть на мой взгляд, наблюдается процесс, обратный российскому.

Люба Юргенсон и профессор Женевского университета на встрече с читателями (Nashagazeta.ch)

Правда ли, что когда случайные русские прохожие спрашивают у вас на улице дорогу на ломаном английском, Вы не отвечаете им по-русски?

Был такой эпизод (смеется). Причина проста – мне не хочется рассказывать о себе, раскрывать душу, хочется выбирать, кого пускать в мой мир, а кого нет.

Как получилось, что только старшая из троих Ваших детей говорит по-русски? Сожалеете ли Вы о двух других?

Дело в том, что мне не хотелось заставлять. С Машей это получилось естественно, так как была еще жива моя бабушка, которая очень много с ней занималась, говорила, ездила на каникулы. Да и я очень много времени проводила с ней одна – она сидела у меня на руках, я что-то ей по-русски говорила, читала Пушкина. Когда же появился Илья, а Маша пошла в детский сад и у нее завелись подружки, это стало неестественно. Да и время было такое, что для многих французских реалий в русском языке просто не было эквивалентов. И в какой-то момент меня на эти постоянные уроки русского языка меня просто не хватило.

Недавно Вы прочитали в Женевском университете лекцию о Бабеле, Марголине и Гроссмани. Это очень разноликое «трио». Что их объединяет, кроме еврейства?

Во-первых, эпоха. Это – люди, родившиеся между 1894 и 1905 годом, чья жизнь так или иначе предопределена крушением старого мира. Им дано было столкнуться с

предельными формами насилия – революцией, войнами, террором, не говоря о погромах (в случае Бабеля). Но главное, все трое – люди имперского пограничья, западных окраин империи, черты оседлости. То есть именно тех мест, которые стали эпицентром катастроф 20 века – двух мировых и гражданской войн, холокоста, террора. Все трое представляют ассимилированное еврейство и находятся в особых двойственных отношениях с местечком: здесь с одной стороны отторжение, с другой ностальгия. Все трое запечатлели свой исторический опыт в художественных текстах или свидетельских документах.

Предполагаете ли Вы дальнейшие изменения Вашей идентичности – всех или некоторых? И если да, с чем это может быть связано?

Это трудно предсказать. Конечно, сегодняшние перемены в России не оставляют меня равнодушной, они будят диссидентское сознание, а с ним и ощущение, что советский опыт не до конца изжит, хотя и затрагивает малую часть жизни. Тем не менее думаю, что идентичность будет следовать за пером – куда оно поведет. Сейчас оно тяготеет к многоязычию, к размыванию готовых форм и поиску новых, так что в любом случае, идентичность – это некая остановка в пути. Полюбовался местом, в котором остановился, нанес его название на личную карту, а затем – собираешь чемодан и едешь дальше.

[переводы русской литературы](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/node/19854>